

1937 бр

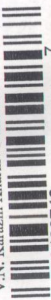
1937/8р.
откуда

ПИСЬМА из НЕМЕЦКОГО РАБСТВА

59 Москва 1943

15

V.N. Karazin Kharkiv National University

00462740

7

1/32B78

2/9 (W7) 1941-

3) 3rem 136

Немецко-фашистские захватчики пришли в Белоруссию как
тейшие враги, как поработители советского народа.

С первого дня вступления на белорусскую землю они начали
роводить в жизнь свою гнусную программу истребления мир-
ых советских граждан.

Десятки тысяч ни в чём неповинных стариков, женщин и де-
ей гитлеровцы расстреляли, повесили, сожгли живыми. Десятки
ысяч юношей и девушек они угнали из Белоруссии на каторж-
ый труд в Германию. Отправили их не по добровольной
аписи, как это изображается в фашистской печати, а насильно,
утём проведения массовых облав, репрессий, террора.

В Могилёве в одно из воскресений немецкие оккупанты оце-
или базар, выловили более 200 юношей и девушек, посадили
х в грузовые машины и привезли на вокзал. Через два
аса все они, как арестованные, были погружены в товарные
агоны с решётками и в сопровождении военных патрулей
тправлены на запад, в Германию.

Из Лепельского района насильно угнаны в Германию 1 500 че-
овек, из Оршанского, Сенненского, Бешанковичского и Богу-
евского по 1 000—1 200 человек. Из Витебска за три месяца
гнано в Германию более 7 тысяч человек.

В конце 1942 г. немецкие власти на территории Белоруссии
ручили повестки всем мужчинам до 40 лет и бездетным жен-
динам об обязательном отбывании бессрочной трудовой повин-
ости в Германии. В Белоруссии 1 августа 1943 г. фашистские
купанты объявили очередную мобилизацию всей молодёжи
а работу в Германию. Согласно приказу немецкого главно-
омандующего на каторжный труд в Германию в обязательном

Письма из немецкого рабства

Проверено
ЦНБ 1949

ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧНО-
БИБЛИОТЕКА ЦНБ
Инв. № 1932/86

1
+ 15

порядке должны были отправиться 18-летние юноши и девушки, а в ряде случаев и 14-летние дети.

Труд в Германии—это жестокое рабство, это настоящая каторга и мучительная смерть для советских людей. Такого подневольного труда, такой невыносимой эксплуатации не было ещё нигде и никогда. Мир не видел и не слышал о таких издевательствах, о таких пытках, которые учиняются сейчас немцами над советскими гражданами, находящимися в Германии на каторжных работах.

Ни жестокая цензура, установленная в Германии, ни репрессии и расстрелы не могут скрыть от мира гитлеровских преступлений. Разными путями [почтой, через людей, которым удаётся убежать из Германии, и т. д.] приходят в Белоруссию письма от угнанных на каторгу людей. Отдельные письма мы публикуем в этой брошюре.

ЛУЧШЕ УМЕРЕТЬ, ЧЕМ РАБОТАТЬ В ГЕРМАНИИ

*Письмо Лизы Бурак из города Кёльна в город Борисов,
Минской области*

Дорогие отец, мать и сестрички!

Пишу вам это письмо из далёкой Германии. Возможно, что это последний в моей жизни случай с вами поговорить.. Так знайте горькую правду о моей судьбе. Вы не можете себе представить как здесь тяжело и страшно жить.

Даже письмо свободно нельзя написать. Каждый листок, идущий в Россию, обязательно проверяется немцем. Одна девушка из Минской области в письме на родину написала, что вот уже больше месяца она не видит кусочка хлеба и питается только отбросами. Это очень не понравилось нашему «хозяину», и он приказал проучить её. Палачи её так избили, что бедняжка чуть живой осталась. Чего же мне ждать здесь? Для того ли я жила, чтобы стать рабой у немцев? Лучше умереть, чем переносить всё это.

Как вам известно, я по повестке пошла в военную комендатуру на переерегистрацию, но меня обманули. Никакой пере-

регистрации там не было. Это просто сделано было для того, чтобы заманивать глупых людей в свои сети и потом ссылать их в свою империю в рабство.

Я была в одном платье и стала просить, чтобы меня отпустили домой переодеться. Немецкий офицер пообещал отпустить на следующий день, и я, глупая, на этом успокоилась.

Спали мы в какой-то старой бане. Ночью нас разбудили и приказали выйти. Я увидела много вооружённых людей и не совсем представляла себе, что с нами будут делать. Нас погрузили в вагоны и повезли. Сколько было крика и слёз!

Питались мы кипятком без сахара утром и вечером и отвратительной похлебкой в обед. Так в нашем колхозе раньше свиней не кормили.

Когда мы приехали в немецкий город, нас завели на какую-то площадку и поставили напоказ. Немцы подходили к каждой девушке и осматривали её с ног до головы. Физически крепких, полных и высоких брали нарасхват, а на тех, кто за дорогу исхудал, пожелтел от голода, немцы и смотреть не хотели.

Я попала к какому-то богатому немцу. Приходится выполнять всё, что приказывают. Об отдыхе и думать нечего. Словом, я человек пропащий. Обо мне уже не заботьтесь, ибо всё напрасно. Следите там за собой. Mamочka, не пускай никуда сестричек. Пускай бегут от немцев, а то с ними будет то же самое, что и со мной.

ПОПАЛИ НА РЫНОК НЕВОЛЬНИКОВ

Письмо белорусских юношей Ивана Ц. и Николая К. из города Тройбурга к товарищам в Петриковский район

3 марта 1943 г. нас немцы схватили, как скот загнали в вагон и отправили в германскую неволю. В каждом вагоне нас было 50—60 человек. Питания в дороге нам не давали, делились тем, кто что имел. 20 дней находились в дороге. Только 23 марта привезли нас в город Тройбург (Восточная Пруссия). После того как нас выгрузили из вагонов, мы попали на рынок невольников. Купил нас кулак Бруж за 20 марок, купил, как вещь. И начался каторжный труд

на кулацком поле. Никакой жалости не имеет немецкий кулак к нам, белоруссам. Стоит только на минуту отвлечься от работы, как он является и избивает до потери сознания. Работаем от темна до темна.

ЖИВЁМ В КАЗАРМАХ, КАК АРЕСТОВАННЫЕ

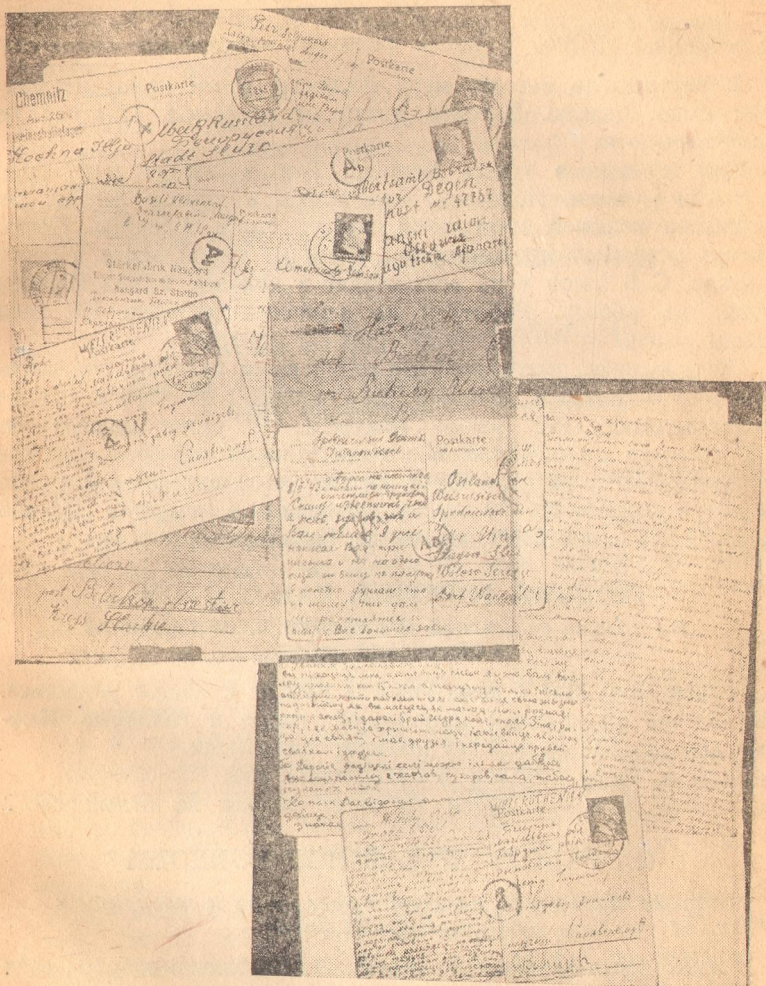
*Письмо врача Марины С. из города Франкфурта-на-Майне
к друзьям в Белоруссию*

Однажды рано утром меня, как и других женщин нашего белорусского города, немцы схватили и погнали на станцию, как будто на дорожные работы. На вокзале нас загнали в вагоны и наглухо закрыли.

Мы поняли, что гитлеровцы обманули нас: пригнали не на дорожные работы, а для отправки в Германию. Поднялись крики, шум. Матери были разлучены с маленькими детьми, дети с родителями. Гитлеровцы даже не дали нам попрощаться с родными и близкими.

В Германии нас разогнали по разным городам. Мне пришлось работать на ткацкой фабрике во Франкфурте-на-Майне. Это не работа, а настоящая каторга. Работаем по 14—16 часов в сутки, а кормят нас всего 2 раза в день бурдой из отрубей. Часто можно видеть, как работницы падают без сознания от слабости и голода, но мастера-немцы не обращают на это внимания. Мы не слышим от них других слов, кроме ругани, и не знаем другого отношения, кроме издевательств. За самый мелкий проступок нас бьют. Немцы не считают нас за людей, обходятся с нами хуже, чем со скотом. На фабрике, где я работаю, было много женщин из других оккупированных немцами стран. Тут работали польки, чешки, бельгийки, француженки. Нас всех разместили за станками так, чтобы мы не могли говорить между собой.

Живём мы в казармах, как арестованные. Выходить из помещения без пропуска не имеем права. Выходить из двора совсем запрещено. Мы сговорились с подругами убежать отсюда. Если удастся, то скоро встретимся, и тогда я обо всём вам расскажу подробно.

Письма из Германии в Белоруссию

ВСЁ ВРЕМЯ ГОЛОДАЕМ

*Письмо советского гражданина В. Н. из города Хемница
в редакцию газеты слущких партизан «Народный мститель»*

В германскую неволю меня фашисты взяли принудительно. Мы ехали неделю. Вагонов никто не открывал. Питания не выдавали.

Нас завезли в город Хемниц. Там в лагере уже было 9 тысяч мужчин. Женщины находились в другом лагере. Он огорожен колючей проволокой, вокруг стоят пулемёты. Ночью лагерь освещают прожекторами. Спим на сырой земле в своей одежде. С 5 часов утра всех ставят в колонну и под конвоем гонят на работу. Работаем на земляных работах. На себе возим тачки.

Обессиленные, часто избитые резиновыми палками, под охраной возвращаемся в лагерь. Того, кто падает по дороге, тут же пристреливают. Всё время голодаем. В сутки выдают по 200 граммов хлеба, выпеченного из сушеных смолотых бураков и картофельной шелухи. От такого труда и питания ежедневно в лагере умирает 50—70 человек. Умерли мои товарищи Василий Белоус, Статкевич и Борисенко из Любаньского района.

ЛЮДЬМИ ТОРГУЮТ, КАК СКОТОМ

*Из письма советской гражданки В. из Германии
в Логойский район*

Родные мой! Мне с вами никогда уже не придётся увидеться. Живём мы за колючей проволокой, голые и голодные. Каждый день по 20—30 человек продают нас немцам.

Валю и Феню продали в офицерский дом.

Дорогая мамочка, зачем ты меня родила на белый свет?

НА РАБОТУ ХОДИМ ПОД КОНВОЕМ

*Письмо И в а н а П. из города Бреславля к товарищам
в Октябрьский район*

В нашу деревню приехали немцы. Они насильно собрали всех крестьян и начали выбирать людей для посылки на работу

в Германию. В число отобранных попала и я. Сборный пункт был в Бобруйске. Оттуда мы выехали поездом и попали в город Бреславль. Нам одели на шею бирки с номерами и отправили в лагерь, огороженный колючей проволокой. Через три дня всех послали на работу на торфозавод. Работать приходится с раннего утра до 10 часов вечера. Из лагеря на работу нас всегда сопровождает конвой [лагерь находится от завода в 4 километрах]. Больше нас никуда не пускают. Голодаем, в день выдают всего по 150 граммов хлеба и по одной тарелке баланды. От такой еды все мы чуть ноги тащем. При первой возможности обязательно убегу.

ЗДЕСЬ ХУЖЕ, ЧЕМ В ТЮРЬМЕ

*Письмо Алеси Сакович из города Кёльна
в город Борисов, Минской области*

Здравствуйте, мои родные и знакомые!

В первых строках своего письма хочу сообщить, что я самая несчастная среди вас.

Меня немцы загнали далеко на чужбину. Тут хуже, чем в тюрьме. Кормят нас плохо: в день выдают по котелку недоваренной бурды. Я вначале не могла кушать, каждый раз от отвращения меня рвало.

Мамуся! Я очень похудела, стала часто болеть. В желудке бывают страшные боли. Просилась у немца к доктору, но он мне ответил:

— А кто за тебя, скотина, работать будет?

Вообще тут все страшные люди. Работать приходится беспрерывно, от темна до темна. Тянешь лямку, как вол, пока не вытянешь ноги. Спать приходится в дырявом и холодном хлеву, где не только человек, но даже собака жить не будет.

До свидания, мои дорогие родители, не поминайте лихом свою дочь. Не по доброй воле она пошла в неволю, её загубили фашистские изверги, и за это мои братья им жестоко отомстят.

ОТОМСТИТЕ ГИТЛЕРОВСКИМ БАНДИТАМ

*Письмо Марии Приступа из города Гамбурга к родным,
в Толочинский район*

Милые мои мамочка, братик и сестрица!

Нахожусь сейчас я далеко от вас. Горькая судьба загнала меня на чужбину и кинула в бездну страданий.

Я работаю в Гамбурге на ткацкой фабрике одного крупного капиталиста. Тяжело мне здесь. Ещё на улице темно, всего только 6 часов утра, а уже мы, рабыни, сидим за станком. Работать приходится без перерыва до 10—11 часов вечера. Сидишь согнувшись над веретеном 16—17 часов подряд.

НЕ В СИЛАХ ПЕРЕНОСИТЬ ЭТИ СТРАДАНИЯ

*Письмо белорусской девушки Нонны Г. к матери
в Логойский район*

Наша жизнь, мамочка, хуже, чем у собак. Суп дают такой же зелёный, который попрежнему никто не ест. У меня от думок иссох мозг и глаза от слёз не видят. Сегодня все 12 часов работали голодные. После работы плачу и плачу. Но плачь или не плачь, а работать нужно...

Какая может быть работа у человека голодного изо дня в день. Придёт начальник или сбоку сидящая немка подгонит: «Нонна, арбайтен шнеллер, шнеллер!» («Нонна, быстрее, быстрее работай!»).

Мамочка, как мне тяжело без вас. Я не в силах сдерживать рыдания. Я от обиды плачу. О, есть ещё хуже, ещё тяжелее, но я не в силах описать... Мы уже привыкли к тому, что в два часа ночи открывается дверь, полицией зажигает огонь и кричит: «Ауфштэен!» («Встать!»). Сразу все встаём и выходим во двор. Стоим час. Начинают нас считать. Ждём вторую смену, когда войдёт во двор. Замерзаем, пока стоим во дворе. Мыслимо ли, почти босые все. А иной раз проливной дождь идёт или мороз.

Я просто не в силах всех переживаний и мучений описать...

Мамочка, я устала. В город нас не отпускают, живём в лесу. Прослышали, что нас переводят на другой завод. Сейчас работаем вместе с украинцами, французами и сербами.

Мамочка, если можно, то вышлите посылку: луку и чесноку,—у меня цынга. Не откажите в моей просьбе.

НЕТ ТОЙ ДУСИ, КОТОРУЮ ТЫ ЗНАЕШЬ

Письмо Дуси Светличной к матери в Логойский район

Милая мамочка! Закрой на минуточку глаза и представь себе свою дочь. Нет, ты не можешь уже её себе представить. Та Дуся, доченька твоя, умерла, есть другая Дуся—совсем исхудавшая, разбитая, больная. Тут все думают, что мне тридцать лет, но это же неправда, мамочка, мне же восемнадцать.

Меня заставили работать на заводе. Но это—тюрьма. Никуда нельзя отлучиться без надзора, даже во двор нас водят только партиями. Ночью мы, вконец измотанные, еле добираемся до барака, где живём. Но дом наш—тоже тюрьма. Опять стража и высокий проволоочный забор. Кругом чужие и злые люди. Мы для них, как собаки: когда вздумается—кормят, когда вздумается—бьют.

200 ГРАММОВ ХЛЕБА—ДНЕВНАЯ НОРМА

*Письмо советской гражданки С. из Рурской области
и знакомым в Логойском районе*

Почти год я работаю на танковом заводе в Рурской области. Живём мы в тесных и грязных бараках за колючей проволокой, как арестанты. Дальше этой изгороди нас не пускают. Всякий самовольный выход карается смертью. Работать приходится по 12—14 и больше часов в сутки. Работа исключительно тяжёлая, она забирает у нас последние силы. Ведём полуголодный образ жизни. Хлеба мы получаем по 200 граммов в день. На завтрак и обед дают по 0,5 литра баланды, а на ужин по 5—6 картофелин и стакан горького кофе.

От недоедания и непосильного труда ежедневно умирают десятки людей. Никакой медицинской помощи мы не получаем. Надсмотрщик имеет право побить любого из нас без всякой причины. И это он делает ежедневно. Быют на заводе, быют в бараках. Быют чем попало—руками, ногами, палкой.

ЗА ТРИ МЕСЯЦА ЗАРАБОТАЛА СЕМЬ МАРОК

Письмо белорусской девушки Н. к родным в Борисовский район, Минской области

Жизнь моя плохая. Кормят нас плохо—на весь день дают только 300 граммов чёрного чёрствого хлеба, на завтрак 0,5 литра несладкого кофе, а на обед и ужин по тарелочке жидкого и невкусного супа.

Работаем по 12 часов в день. За три месяца я заработала только 7 марок и 80 пфеннигов. Одеваться не во что, в чём приехала, в том и хожу. Живём в галерах, из которых никуда не пускают.

Дорогая мамочка, мне очень тяжело, но ты не обижайся, что я редко пишу. Писать не разрешают, а кто украдкой напишет, то если узнают, несколько дней не дают кушать.

Не знаю, скоро ли увидимся.

Мамочка, старайся всеми силами не отдать Вальку для отправки в Германию.

НЕ ВИЖУ НИЧЕГО, КРОМЕ СТРАШНОГО БАРАКА

Письмо Н. и Л. из города Хемница к матери в Старобинский район, Минской области

Дорогая мама! Мы живём в бараке—60 душ, спим на соломе. В этом бараке очень холодно. На работу мы ходим на трикотажную фабрику. Работаем с 6 часов утра до 9 часов вечера. Есть нам дают утром тарелку окропу (кипятку) и 50 граммов хлеба, на обед—суп без хлеба, на ужин—суп без хлеба. А ещё на работе дают хлеб—утром 25 граммов и в обед 25 граммов.

Пища, дорогая мама, плоховата, но это ничего, если бы только домой.

Письмо мы ваше получили, мама, и плакали, очень я тоскую, что живу в неволе. Не вижу света, не вижу ничего, кроме своего страшного барака. Нас водят на работу и с работы, как невольников.

РАБОТАЕМ ПО 15 ЧАСОВ В СУТКИ

Письмо Екатерины Н. из Германии к родным в деревню Д. Слуцкого района, Минской области

Нас погрузили в эшелон в Слуцке. На пути следования в Германию нас сопровождал немецкий конвой. За малейшее нарушение распорядка били. На остановках не разрешали выходить из вагонов.

В Германии погнали на завод, который обнесён колючей проволокой в несколько рядов. За восемь месяцев моей работы в Германии я получила 12 марок. Я получила осиновые кандалы и рогожный комбинезон. Работаем без перерыва по 15 часов в сутки.

Питание плохое. На завтрак выдают по 50 граммов хлеба и один стакан кипятку. К обеду выдают по 100 граммов хлеба и 0,5 литра супа, сваренного из нечищенного картофеля. По воскресеньям часто гоняют по улицам напоказ немцам.

КАЖДЫЙ ДЕНЬ КТО-НИБУДЬ УМИРАЕТ

Письмо Марии А. из города Гамбурга к матери в деревню Н. Постаевского района, Вилейской области

Мамочка! У меня нет даже надежды, что я доживу до встречи с вами. Живём мы тут и работаем так, что скоро будем там, где наш Митя и дядя Антон¹.

В бараках, где мы живём, холодно и каждый день кто-нибудь умирает.

Нам выдают по 200 граммов хлеба и по литру водянистого супа.

¹ Антон и Дмитрий убиты немецкими оккупантами.

ТАК МЫ ПРОЖИВАЕМ СВОИ МОЛОДЫЕ ГОДЫ...

*Письмо белорусской девушки Мани к родным
в Полесскую область*

Добрый день или вечер, дорогая мамочка, сестра Нина, братишка Сеня и племянница Валя!

Прежде всего я хочу вам описать свои обиды, свою скучную жизнь.

Живу я и работаю у хозяина. Работаю от темна и до темна.

Встаю в 5 часов утра, а ложусь в 10 часов вечера. Утром я дою 6 коров и вывожу навоз от 12 коров, подстилаю солому, кормлю и пою скот в обед и вечером. Работаю так, что света не вижу, а хозяин всё равно недоволен.

Так живу не только я, но и все мы, находящиеся здесь советские люди. Так мы проживаем свои молодые годы.

ХОЖУ ГОЛЫЙ, КАК НИЩИЙ

*Из письма Вити Галагущкого к родным в Слуцкий район,
Минской области*

Я живу плохо. Мой хозяин имеет 250 гектаров земли, и обрабатываем её мы втроём: я, один поляк и француз.

Дорогой отец! Пришли мне штаны. Ты сам знаешь, в чём я поехал. Я совсем оборвался и хожу сейчас голый, как нищий.

КОРМЯТ ХУЖЕ, ЧЕМ СОБАК

*Из письма Сергея В. к родным и товарищам
в деревню Черемышники, Видзовского района,
Вилейской области*

Мы уже больше не увидимся с вами. Если вы попадёте сюда, куда я попал, то считайте себя погибшими. Работать тут заставляют день и ночь, а кормят хуже, чем собак.

МОЯ ЖИЗНЬ ЗАКОНЧИТСЯ НА ДЕВЯТНАДЦАТОМ ГОДУ

*Письмо белорусской девушки Н. из Германии в местечко
Дретунь, Витебской области*

Родная мамочка!

Посылаю тебе первое и возможно последнее письмо. Я знаю, что ты плачешь...

Моя жизнь закончится на девятнадцатом году. Работаю у немецкого фермера, чищу сарай, ношу и грею воду для коров и свиней. Тут же я живу, ибо немцы считают русских за скотину и не пускают в дом. Питаюсь отбросами.

ПОГИБАЮ НА ЧУЖОЙ СТОРОНЕ

*Из письма белорусской девушки Е к а т е р и н ы к родным
в Витебскую область*

Дорогая Таня! Отвечаю очень даже серьёзно и с обидой горькой долей своей.

Дорогая Таня! Не дожидайся, прошу поскорее, побыстрее забудь про меня навсегда, потому что мы с тобой больше не встретимся и не увидимся. Решаюсь погибнуть на чужой стороне.

ЗА КАЖДЫМ НАШИМ ШАГОМ СЛЕДЯТ

*Из письма М а н и К. из города Бланкенбурга к отцу
в Старобинский район, Минской области*

Живём мы в Германии в городе Бланкенбурге. Работаем у хозяина 33 человека. Здесь и украинцы, поляки, французы и русские. Кормят нас плохо. Хлеба дают очень мало. Работы по горло.

ВИДИМ ТОЛЬКО СМЕРТЬ, СЛЁЗЫ И СТРАДАНИЯ

Из письма Н и н ы Н. к родным в Белоруссию

Я работаю в имении немецкого помещика. Хозяин—настоящий зверь, на него страшно посмотреть. Однажды он явился

Витебская область
Городской
Город Витебск
Витебская область
Городовни р-н
Тайшинская вол- управа
община

Остань

Даратаз Жаня Агвечан
очень даяса сурезна
і с адідай серкой долей
свай. Даратаз Жаня
неда жадайся працу
покарей па бистрей
забудь про мя наўсёгда.
Вотаму што мя с табой
больша неўстрымев
с неўвядайсв. рашайсв
пабудзь на тую сторону.
В-га Рэвуча
Екатеріны

Письмо белорусской девушки Екатерины

в поле, где мы работали. В это время заболела наша одна подруга Насточка. Помещик подходил к ней как раз тогда, когда она от боли корчилась на земле. Насточка собрала последние силы и бросилась бежать. Тогда хозяин спустил на неё собак, и они её искусили.

Меня били десять раз, два раза бросали в холодный погреб за то, что я взяла на хозяйской кухне 3 картофелины—не могла выдержать голода.

Вы помните Зосю из деревни Рудня? Она не выдержала издевательств и умерла.

Вера, Балабиных дочка, по дороге в Германию заболела тифом, и немцы-изверги расстреляли её.

Немцы убили и мою подругу Зину только за то, что она намеревалась идти в соседнее имение к работающей там двоюродной сестре.

На каждом шагу мы видим тут смерть, слёзы и страдания. Ох, как тяжёло и больно мне, родные мои!

НЕ ТРУДНО ПОНЯТЬ СМЫСЛ ЭТИХ ПИСЕМ

Пытаясь обмануть немецких надсмотрщиков, советские люди придумывают разные средства, чтобы сказать горькую правду о своей жизни. Родные уже научились понимать иносказательный смысл этих страшных писем. Один белорусс, насильно увезённый в Германию, пишет родным:

«Жил бы я хорошо, если бы со мной были мои друзья Хлебников или хотя бы Картофельников».

Не трудно догадаться, что человек голодает и не имеет возможности поестъ хотя бы хлеба или картофеля.

«Живу я не плохо,—пишет Антон Дорониц,—но брату моему Грише живётся гораздо лучше, и я хотел бы переехать жить в его город...» (брат Антона Григорий умер несколько лет тому назад).

«Живу в Германии,—пишет одна белорусская девушка своей матери,—у моего хозяина семья небольшая—хозяйка, её дочь, собака и затем я».

Этим всё сказано: немецкие рабовладельцы содержат своих невольников хуже, чем собак.

«У хозяина сбежала корова,—пишет Елена Д.,—хозяин купил мне новое платье—белое в синюю полоску». Это значит, что немец избил её до синяков.

— * *

*

Сотни тысяч советских граждан, путём обмана, угроз и насилия угнанные в рабство в Германию, подвергаются всяческим унижениям и истязаниям, обрекаются на голод и медленную, мучительную смерть.

За все эти подлые преступления полностью ответят главари гитлеровской Германии. За эти преступления ответят гитлеровские чиновники, которые ведают набором, уводом, перевозкой, содержанием в лагерях, продажей в рабство советских людей. За все эти бесчисленные страдания и лишения ответят и части лица в Германии, бесчеловечно эксплуатирующие подневольный труд мирных советских граждан.

Близок час расплаты с врагом!

Залпы орудийной канонады приближаются к границе фашистской Германии. Это наступает Красная Армия!

Героические воины Страны Советов под гениальным водительством Маршала Советского Союза товарища Сталина идут на запад освобождать от фашистского гнёта село за селом, город за городом.

Близок час полного освобождения Белоруссии!

Советские люди никогда не будут рабами у немцев.

Советский народ не забудет, не простит немецко-фашистским рабовладельцам горя и мук, слёз и крови своих сынов и дочерей.

Смерть немецко-фашистским рабовладельцам!

